

УДК 811.161.1'367.625'373.611

РУССКИЕ ПРЕФИКСАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ С ПОЗИЦИОННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ КАК СРЕДСТВО ВЕРБАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ

А.В. Трофимова, В.А. Косова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассматривается семантика производных единиц, образованных с помощью префиксов *в-*, *на-*, *под-*, *над-*, *пред-*, *за-* от позиционных глаголов *лежать*, *сидеть*, *стоять*, *висеть*. Обращение к данным лексемам в рамках композиционной семантики обусловлено тем, что они позволяют выявить сформированные в глубокой древности особенности восприятия человеком пространства. Обнаружено, что префиксы у искомым дериватов в современном русском языке не имеют изначально присущего им пространственного значения, что связано с ранним развитием таких смыслов (сем), как предельность и результативность, противоречивших статальности производящих основ. Значение последних, в свою очередь, зачастую расширяется за счёт нейтрализации позиционной составляющей. Результатом взаимодействия анализируемых производящих основ и словообразовательных средств являются глаголы различных тематических классов: позиционные, модальные, а также речевой, социальной и созидательной деятельности. Однако семантика исходных глаголов (позиционная) и префиксов (пространственная) в дериватах, как правило, сохраняется в качестве их внутренней формы, способной актуализироваться в речи, что особенно характерно для таких слов, как *належать*, *настоять*, *застоять*, *подсидеть* и др.

Ключевые слова: пространственное мышление, глаголы положения в пространстве, пространственные приставки, композиционная семантика

Введение

Развитие когнитивной лингвистики привело к переосмыслению ряда теорий. В их числе оказалось такое направление в словообразовании, как композиционная семантика, исследующая сочетаемость единиц, с одной стороны, внутри производного слова и с производными словами – с другой. На данный момент особый акцент ставится на том, что дериват – это «языковой способ представления структуры знания и/или его оценки» [1, с. 408].

Термин «композиция» в лингвистику был введён Г. Фреге (см. его работу «Смысл и денотат» [2]), а также интерпретацию некоторых положений у Р. Карнапа [3, с. 185–194]). Одним из первых, кто рассмотрел это понятие с когнитивной точки зрения, стал Р. Лангакр. В частности, он отмечает, что смысл композитной структуры не всегда выводится из её элементов [4, р. 54–55]. Схожую позицию занимает Е.С. Кубрякова, которая выделяет три класса производных слов: 1) идиоматичные (значение производного слова не выводится

из значения его частей), 2) полностью (семантически прозрачные) или 3) до известной степени (частично лексикализованные) мотивированные [5].

Из этого следует, что зачастую носителю языка приходится «додумывать» значение производного слова, восстанавливая отсутствующие компоненты. Например, в слове *фельетонист* ‘тот, кто пишет фельетоны’ восстановленным оказывается компонент *пишет*, поскольку суффикс *-ист* выражает значение ‘тот, кто’, а основа, соответственно, указывает на сам предмет деятельности [1, с. 442].

Представляется важным рассмотреть с этих позиций семантику русских производных единиц, образованных от статальных позиционных¹ глаголов (*лежать, сидеть, стоять, висеть*) с помощью пространственных префиксов (*в-, на-, под-, над-, пред-, за-*). Обращение к данной группе слов обусловлено следующими факторами. Во-первых, указанные глаголы отражают первый этап освоения человеком пространства и частично сохраняют следы древнего мировосприятия. Во-вторых, префиксы, восходящие к превербам, фиксируют ориентацию человека в пространстве и соответствуют базовым осям: горизонталь (*пред-, за-*), вертикаль (*под-, над-*), расположение на пересечении этих линий (*в-, на-*); впоследствии эти ядерные значения легли в основу предложно-приставочного комплекса с пространственным значением, который на данный момент включает 36 приставок, указывающих на направление действия в пространстве (см. РГ, с. 393–394).

Наконец, отметим, что русские пространственные приставки, как и пространственные предлоги, не раз становились объектом лингвистического анализа (см., например, [7–9]). В нашем исследовании особое внимание уделяется особенностям композиционной семантики производных слов, что связано с поисками ответов на вопросы:

- Каков результат взаимодействия пространственной приставки и позиционного глагола?
- Почему у ряда производных слов развиваются другие, непространственные значения?
- Что влияет на формирование именно таких значений?

Материалы и методы

Материалом для работы послужили значения глаголов и приставок, зафиксированные в следующих лексикографических источниках:

- 17-томный «Словарь современного русского литературного языка», или Большой академический словарь (БАС);
- «Толковый словообразовательный словарь русского языка» (ТСС);
- «Современный толковый словарь русского языка» (СТС);
- сборник образных слов и иносказаний М.И. Михельсона «Русская мысль и речь: своё и чужое» (РМР);
- «Этимологический словарь русского языка» А.В. Семёнова (ЭСРЯ).

Кроме того, материальной базой исследования послужили контексты употребления статальных позиционных глаголов, представленные в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ).

¹ Этот термин получил широкое распространение после публикации статьи Е.В. Рахилиной [6].

При анализе используются методы композиционной семантики, а также привлекаются данные, полученные диахроническими методами.

Результаты и их обсуждение

Рассмотрим, какие дериваты образуются от статальных позиционных глаголов *лежать*, *сидеть*, *стоять*, *висеть* с помощью префиксов *в-*, *на-*, *под-*, *над-*, *пред-*, *за-* с первичным пространственным значением.

Табл. 1

Возможности сочетания статальных позиционных глаголов и префиксов с первичным пространственным значением

	<i>лежать</i>	<i>сидеть</i>	<i>стоять</i>	<i>висеть</i>
<i>в-</i>	–	–	–	–
<i>на-</i>	+	+	+	–
<i>под-</i>	+	+	–	–
<i>над-</i>	+	–	–	–
<i>пред-</i>	+	–	+	–
<i>за-</i>	–	+	+	–*

*Широкоупотребительная лексема *зависеть* ‘быть в зависимости или под влиянием кого-либо, чего-либо’, лишённая пространственного значения, словообразовательную мотивированность утратила (см. ниже).

Как видно из табл. 1, на базе глагола *лежать* образуются следующие префиксальные дериваты: *належать*, *подлежать*, *надлежать*, *предлежать*; от глагола *сидеть* – *насидеть*, *подсидеть*, *засидеть*; глагол *стоять* выступает производящей базой для таких производных, как *настоять*, *предстоять*, *застоять*. Особое внимание обращает на себя глагол *висеть*, от которого префиксальные глаголы не образуются. Отсутствуют дериваты с *в-*, остальные приставки так или иначе взаимодействуют со статальными позиционными глаголами. Некоторые из указанных производных, по данным словарей, являются многозначными. Это *подлежать*, *надлежать*, *предлежать*, *насидеть*, *подсидеть*, *предстоять*; у глагола *настоять* имеется омоним². Кроме того, в отношении значительного массива анализируемых слов лексикографические источники содержат стилистические пометы: *устаревшее*, *разговорное*, *просторечное*.

Разберём семантическую структуру интересующих нас глаголов, объединяя их в группы по результатам взаимодействия производящей основы и форманта с учётом многозначности последних.

1. Приставка с пространственным значением + статальный позиционный глагол = глагол с позиционно-пространственной семантикой.

Реализация данной композиционно-логической модели для современного русского языка не характерна. Подобные дериваты фиксируются БАС, но помечаются как устаревшие. К ним относятся:

1) *подлежать* ‘лежать под чем-либо, ниже чего-либо, кого-либо’: *На полу лежали тюфячки, подушки и шерстяные одеяла. Я нагнулся, чтобы взглянуть на подлежащую мне простыню, и вздрогнул от её пестроты* (БАС, т. 10, стб. 427).

2) *предлежать* ‘лежать перед кем-либо, чем-либо’: *Аристотель – в высшем смысле слова эмпирик; он всё берёт из **предлежащей**, окружающей его среды* (БАС, т. 11, стб. 126).

В современном русском языке подобные значения передаются посредством бесприставочных глаголов и предложно-падежных форм: *лежать под чем-либо, перед чем-либо* и т. д. Для того чтобы определить причину утраты пространственного значения рассматриваемых приставочных дериватов, обратимся к результатам исследований, в центре внимания которых находится история приставочного глагольного словообразования.

Историки языка сходятся во мнении, что в индоевропейском языке префиксы представляли собой самостоятельные слова, которые играли в предложении вспомогательную роль. Сохраняя свою самостоятельность, они придавали другим словам более точное значение. В дальнейшем, «сочетаясь то с именем, то с глаголом, приставки обнаруживали, естественно, тенденцию сближаться со словом, значение которого они уточняли» [11, с. 234]. В результате сформировались собственно приставки и предлоги. Не случайно Н.В. Крушевский часто использует эти термины недифференцированно (см., например, [12, с. 74, 78, 86]).

Исходным (либо наиболее ранним) значением префикса признаётся пространственное, которое в дальнейшем в ходе десемантизации обобщалось до значения пространственного предела, а затем – результативности: «...Присоединение приставки к глаголу не только пространственно маркировало его, но и одновременно намечало предел, границы, до которых распространяется и у которых прекращается действие» [13, с. 115].

Дериваты, возникшие путём осложнения стальных глаголов префиксами с пространственным значением, считаются одними из самых древних (см., например, [14, с. 146]). В них реализовался функционально-семантический потенциал данных аффиксов, связанный с принадлежностью к превербам. Здесь пока нет противоречия между семантикой стальных глаголов и значением результативности приставки, поскольку у последней это значение ещё не сформировалось [14, с. 33].

В связи с развитием у префиксов семантики предельности и результативности появились ограничения на их сочетаемость с некоторыми глаголами. В частности, результативное значение приставки противоречило семантике стальных глаголов, не предполагающих достижения результата. В итоге функция обозначения пространственных отношений закрепилась за системой предложно-падежных форм. «Противоречие... по-видимому, сформировалось ещё в праславянском. <...> Приставочные глаголы вытесняются бесприставочными, а беспредложная форма – предложной: *обстоять город – стоять вокруг города, пристояти пръстоу – стоять у престола* и т. д.», – пишет Л.В. Табаченко [13, с. 117–118].

Таким образом, БАС фиксирует глаголы в устаревших значениях, активно употребляемых до тех пор, пока у префиксов не сформировалось значение предельности, вступившее в противоречие с семантикой стальных позиционных

² Основания различия многозначности и омонимии морфем и соответствующих словообразовательных типов см. [10].

глаголов. Согласимся с О.И. Дмитриевой, полагающей, что, возможно, единственным в современном русском языке приставочным статальным глаголом, сохранившим собственно пространственную семантику, является лексема *отстоять*, означающая ‘находиться на некотором расстоянии от кого-, чего-либо’: *Аэропорт отстоит от города на пять километров* [14, с. 33].

2. Приставки с вторичными (непространственными) значениями + статальный позиционный глагол = позиционный глагол со значением результативного завершения действия.

Этой модели соответствуют следующие глаголы:

1) *належать* (*налёживать*) в значениях:

– разг. ‘получить неприятные последствия от долгого лежания’ (*належать пролежни*) (ТСС, с. 431);

– ‘сделать место удобным в результате лежания’ (*належать место*) (СТС);

2) *насидеть* (*насиживать*) в значениях:

– ‘сидеть на яйцах, согревая их своим теплом, до тех пор, пока не вылупится птенец’ (БАС, т. 7, стб. 489);

– прост./разг. ‘ведя сидячий образ жизни, нажить себе что-то неприятное’ (*насидеть геморрой*) (ТСС, с. 795);

– разг. ‘сделать место удобным и привычным в результате долгого сидения’ (*встать с насиженного кресла*) (СТС);

3) *засидеть* (*засиживать*) ‘сидя на чём-либо, испачкать’ (*мухи засидели портрет*) (БАС, т. 4, стб. 894).

Приставки *на-* и *за-* в данных дериватах не являются пространственными, а указывают на результативное завершение действия, названного мотивирующим словом. Однако, как известно, производящие глаголы обозначают состояние, а не действие, оно не предполагает достижения результата. В связи с этим Л.В. Табаченко отмечает: «Результативность... не запланирована в семантике мотивирующего глагола, источник объектности и результативности находится в смежном событии, связанном с анимальной стороной актанта – физиологическим, психологическим, социальным планами» [13, с. 118]. Действительно, субъектом в таких выражениях оказывается существительное, которое называет людей и животных – живых существ, обладающих способностью произвольного движения, а одушевлённость, по мнению Н.Б. Лебедевой, «увеличивает динамизм и результативность процесса, что приводит к возрастанию событий внутри одной ситуации» [15, с. 154]. Это касается прежде всего глаголов *належать* и *насидеть*, которые описывают действие, распространяющееся на какую-либо часть тела. В данном случае результат будет наличествовать у субъекта, см. примеры окказиональных словоупотреблений из НКРЯ:

• *Я попал в западню, как Вини-Пух в норе Кролика. Я належа́л килограммов двадцать;*

• *Доработался до головных болей, а у окна, из которого дует, на́сидел простуду ног, выразившуюся страшной зубной болью.*

Однако эти глаголы, как мы указали выше, могут иметь близкие друг к другу значения ‘сделать место удобным в результате лежания’ (*належать*) и ‘сделать место удобным и привычным в результате долгого сидения’ (*насидеть*),

а также ‘сядя на чём-либо, испачкать’ (*засидеть*). Здесь действие распространяется не на часть тела, а на поверхность предмета, то есть субъект изменяет её посредством лежания или сидения, ср.:

- *Они возвратились в караулку с последним разводом и ждали, когда начальник поднимет с тёплых **належанных** нар другой наряд, а им настанет черёд отогреть чужим теплом бока и заспать часок-другой, покуда не поднимут вновь (НКРЯ);*

- *Сон был прерван, но вставать из тёплого **насиженного** кресла Маше не очень-то хотелось (НКРЯ);*

- *Прокопчённый, **засиженный** мухами потолок, обшарпанные, в подтёках стены, смутно различимые в прокуренном полумраке, служили великолепным экраном для проецирования воспоминаний (НКРЯ).*

Как видно из приведённых примеров, позиционная семантика глаголов положения в пространстве сохраняется. Однако их значение может расширяться за счёт нейтрализации соответствующей семы. Так, в НКРЯ частотны примеры использования фразеологизированного словосочетания *насиженное место*, ср.:

- *Настоящих аборигенов давно согнали с **насиженных** мест, они обитают в горах;*

- *Они поверили в идею, оставили **насиженные** высокооплачиваемые места и приехали работать на Дальний Восток;*

- *С одной стороны, Бродский и газета «Коммунист» как-то слабо сочетались, с другой, было страшиновато покидать **насиженное место**.*

В данных предложениях *сидеть* подразумевает не ‘находиться в сидячем положении’, а ‘сделав удобным пространство вокруг себя, быть привязанным к нему’. Ср. определение данного выражения у Михельсона: «(иноск.) пригретое, привычное, выгодное (с которым не хочется расстаться)» (РМР, с. 476).

В современной словообразовательной теории семантика подобных глаголов рассматривается как полипропозициональная, что считается явлением системным (см., в частности, [15, 16]). Первая пропозиция – ‘находиться в состоянии долго’ – имеет нейтральную оценку, а вторая, указывающая на последствия, различается по оценке. Так, *насидеть место* оценивается положительно, тогда как *насидеть неприятности, належать пролежни, засидеть потолок* характеризуются отрицательно. Это связано с позицией наблюдателя, в роли которого выступает человек. Если действие совершается не в пользу наблюдателя, то оно маркируется как отрицательное, и наоборот, что служит ещё одним веским доказательством антропоцентричности языковой картины мира.

Как видим, семантическая интерпретация анализируемых приставочных глаголов требует учёта особенностей их типового контекстного окружения, облегчающего процессы инференции, точнее получение «выводного знания»: «В этом процессе – по сути своей когнитивном – оказываются задействованными и знание языка, и знание мира, и, наконец, знание в принятых в языке соотношениях языковых структур с когнитивными. <...> Любая языковая форма, но текст прежде всего, сигнализируют не только о том, что в ней реально присутствует, но и о том, что подлежит семантическому выводу – выводу по инферентному типу. Текст существует... как источник возбуждения в нашем сознании многочисленных ассоциаций и когнитивных структур» [17], способствуя

наиболее точному пониманию сложного «сценария» ситуации, обозначаемой в нашем случае префиксальным глаголом с полипропозициональной семантикой.

Обобщим результаты анализа этой группы:

1) семантика состояния производящих глаголов трансформируется в значение деятельности, то есть происходит актуализация потенциальной семы (см. примеры Е.В. Падучевой, где лежание, сидение и стояние мыслятся как действия в широком смысле [18, с. 128]);

2) позиционная семантика глаголов в целом сохраняется, однако в ряде случаев возможна её нейтрализация, сопряжённая с расширением значения;

3) одушевлённость субъекта предполагает возможность его расщепления на собственно субъект и объект как часть тела субъекта; в связи с этим актантная структура глаголов включает в себя объект, в качестве которого может выступать и часть тела, и поверхность предмета, поэтому изменяться может не только сам человек (или любое живое существо), но и соответствующий объект под влиянием действия субъекта;

4) результат может быть положительным (*насидеть место*), если он приносит пользу наблюдателю, и отрицательным (*належать живот*), когда с точки зрения наблюдателя он вреден.

3. Приставки с вторичными (непространственными) значениями + позиционный глагол с вторичным (бытийным) значением = бытийный глагол с модальным компонентом.

Данной модели соответствуют глаголы *надлежать*, *подлежать*, *предлежать*, *предстоять*.

Современное значение лексемы *предстоять* можно квалифицировать как бытийное с модальным компонентом – ‘ожидаться в будущем’: *предстоит путь* (БАС, т. 11, стб. 183). Образованный с помощью этой же приставки, но от *лежать* устаревший глагол *предлежать* фиксируется БАС, где он семантически отождествляется с лексемой *предстоять*. Первый объясняется через второй – ‘то же, что предстоять’: *предлежит много труда* (БАС, т. 11, стб. 126). Префикс в этих случаях имеет временное значение (указание на план будущего).

Подчеркнём, что бытийное значение коренится в семантике бесприставочных глаголов: *вина, ответственность лежат на ком-либо; вопрос, проблема стоят остро* и др. Семантическая проекция в план будущего усилена посредством аффикса *пред-* в глаголах *предлежать* и *предстоять*. Сами производящие основы позиционного значения не имеют, изначально противоположные дериваты стали синонимами. Между тем в таких производных глаголах, как *подлежать* и *надлежать*, оснований для семантического перехода нет.

В современной русской речи лексема *подлежать* употребляется только в одном значении – ‘относиться к числу лиц, объектов, на которые распространяется действие того, что выражено дополнением; подвергаться чему-либо’: *приговор подлежит исполнению* (БАС, т. 10, стб. 428). Интересно, что схожее значение имеет глагол, образованный от того же позиционного глагола *лежать* с помощью исходно антонимичной приставки *над-*. Так, *надлежать* означает ‘выполнять лежащие на ком-либо обязанности, долг’: *надлежит явиться в военкомат* (БАС, т. 7, стб. 156). Однако, как отмечает В.В. Виноградов, в древнейших письменных памятниках русского языка данное слово употребляется

в других значениях – ‘лежать на чём-либо’ и ‘угрожать’. Исходя из этого, учёный делает предположение, что *надлежать* в значении ‘следует, должно’ является калькой с лат. *id tibi incumbit* или нем. *es liegt dir ob*, означающих ‘сие тебе надлежит; сие твоё дело, твоя должность; до тебя принадлежит’. Предположение подкрепляется позицией М.В. Ломоносова, причислявшего данное слово к «диким и странным словам нелепостям», которые проникли в русский литературный язык XVIII в. из других языков (цит. по [19, с. 344–345]).

4. Приставки с вторичными (непространственными) значениями + стальной глагол с вторичным значением речевой деятельности = глагол речевой / социальной деятельности.

К этой группе можно отнести глаголы *настоять* (*настаивать*) и устаревший просторечный *застоять* (*застаивать*).

В первую очередь следует отметить связь лексемы *настоять* в значении ‘усиленно добиваться, требовать исполнения чего-либо’ (*настаивать на поездке*) (БАС, т. 7, стб. 526–527) с бесприставочным глаголом *стоять* ‘твёрдо придерживаться какого-либо мнения, взгляда, быть убеждённым в чем-либо’ (*стоять на своём*) (БАС, т. 14, стб. 975) и, соответственно, положением стоя. Последнее в русской языковой картине мира мыслится как правильное, доминирующее, позволяющее функционировать (см., например, *стоять в истине, добре* [20, с. 44]).

Глагол *застоять* означает ‘защищать, выгораживать’: *Приказчица была женщина смиренная, и сердце в ней было доброе. Где могла, усмирляла мужа и застаивала перед ним мужиков* (БАС, т. 4, стб. 922). Данный дериват синонимичен литературному *отстоять* и вытеснен им: *Мы крестьянство не можем застоять {отстоять*} своих прав и нас обдерут всех до одного, так-как венки по прутуку* (НКРЯ).

5. Приставка с вторичным (непространственным) значением + стальной позиционный глагол = позиционный глагол, осложнённый дополнительными семами.

Данной модели соответствует лексема *подсидеть* (*подсиживать*), которая означает ‘сидя, подстеречь’: *подсидеть куропатку* (БАС, т. 10, стб. 595). Это значение образовано в результате взаимодействия приставки *под-*, указывающей на то, что действие совершено тайно, и позиционного значения глагола *сидеть*. В то же время положение субъекта (охотника) не обязательно должно быть сидячим, то есть позиционная сема не является здесь главной. Путём семантической деривации образуется лексико-семантический вариант рассматриваемой лексемы со значением ‘интригами и кознями повредить кому-либо, вынудить к увольнению’: *подсидеть начальника* (БАС, т. 10, стб. 595); относится к группе глаголов социальной деятельности. В данном случае производящая основа десемантизирована, а префикс взял на себя доминирующую роль.

Как уже было отмечено нами в начале исследования, имеется случай омонимии. Так, *настоять* в значении ‘приготовить настойку, настой’ (*настаивать рябину*) представлен в словарях как омоним глагола *настоять* ‘усиленно добиваться’ (БАС, т. 7, стб. 527). Полагаем, он явился результатом следующих словообразовательных процессов: *стоять* → *настояться* → *настоять*. Лексема *стоять* означает здесь ‘не двигаться’, префикс *на-* указывает на длительность.

Отдельно следует остановиться на глаголе *зависеть* ‘быть в зависимости или под влиянием кого-либо, чего-либо’ (БАС, т. 4, стб. 301). Его происхождение до сих пор остаётся неясным. Предполагается, что это словообразовательная калька нем. *abhängen* ‘зависеть; отвисать’, которое является префиксальным производным от *hängen* ‘висеть’ (ЭСРЯ). В немецком языке эта лексема имеет как прямое (‘свисать, висеть в некотором расстоянии от чего-нибудь’), так и переносное (‘быть подчинённым чьей-нибудь воле’) значение; последнее сформировалось в XVIII в. Рассматривая русский глагол *зависеть*, В.В. Виноградов, с одной стороны, указывает на его давний отрыв от гнезда *висеть* и раннюю деэтимологизацию, о чём свидетельствует старое ударение на предпоследнем слоге (так же как в словах *виселица*, *висельник*). С другой стороны, отмечается отсутствие данного глагола в русской письменности вплоть до начала XVIII в. Прямого калькированного воспроизведения учёный не признаёт, поскольку, во-первых, между русским *за-* и немецким *ab-* прямого смыслового параллелизма нет, а во-вторых, ударение в таком случае должно падать на *e* (ср. *провисеть*, *повисеть* и др.) [19, с. 176–181].

Заключение

Итак, нами обозначены особенности взаимодействия приставок, имеющих исходное пространственное значение, и статальных позиционных глаголов, на основе чего выделено пять моделей отглагольной деривации (в широком смысле этого термина) и, соответственно, пять групп дериватов. Обнаружено, что *в-*, *на-*, *под-*, *над-*, *пред-*, *за-* в префиксальных позиционных глаголах в современном русском языке не имеют изначально присущего им пространственного значения, что связано с ранним развитием у этих аффиксов значений предельности и результативности, противоречивших статальной семантике производящих основ. Значение глагола, в свою очередь, зачастую расширяется за счёт нейтрализации позиционной семы, приводящей к его переходу в бытийный тематический класс. Как результат, имеем глаголы с различной семантикой: позиционные, модально-бытийные, а также речевой, социальной и созидательной деятельности. Однако исходная семантика производящих основ (позиционная) и словообразовательного средства-префикса (пространственная) в дериватах, как правило, сохраняется в качестве их внутренней формы, способной актуализироваться в речи, что особенно видно в таких выражениях, как *належать живот*, *подсидеть куропатку*, *настоять на своём* и др.

Источники

- РГ – Русская грамматика: в 2 т. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – 788 с.
- БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Гл. ред. В.И. Чернышёв. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. – Т. 4. – 1364 стб.; 1958. – Т. 7. – 1468 стб.; 1960. – Т. 10. – 1774 стб.; 1961. – Т. 11. – 1842 стб.; 1963. – Т. 14. – 1390 стб.
- ТСС – Толковый словообразовательный словарь русского языка / Под ред. И.А. Шишова. – М.: АСТ, 2004. – 1024 с.
- СТС – Современный толковый словарь русского языка / Под ред. Т.Ф. Ефремовой. – URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/>, свободный.

- БТФС – *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь: Своё и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний. – СПб.: Тип. АО «Брокгауз – Ефрон», 1912. – XII, 1046, 103 с.
- ЭСРЯ – *Семёнов А.В.* Этимологический словарь русского языка. – М.: ЮНВЕС, 2003. – URL: <https://semenov.academic.ru/425>, свободный.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/>, свободный.

Литература

1. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – 560 с.
2. *Фреге Г.* Смысл и денотат // Семиотика и информатика: Сб. ст. / Под ред. А.И. Михайлова. – М.: ВИНТИ, 1977. – Вып. 8. – С. 181–210.
3. *Карнап Р.* Значение и необходимость: Исследование по семантике и модальной логике / Пер. Н.В. Воробьёва; Общ. ред. Д.А. Бочвара. – М.: Изд-во иностр. лит., 1959. – 382 с.
4. *Langacker R.W.* Cognitive Grammar. Introduction to Concept, Image, and Symbol // Cognitive Linguistics: Basic Readings / Ed. D. Geerferts. – Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 2006. – P. 29–67.
5. *Кубрякова Е.С.* Семантика производного слова // Аспекты семантических исследований / Под ред. Н.Д. Арутюновой, А.А. Уфимцевой. – М.: Наука, 1980. – С. 81–155.
6. *Рахилина Е.В.* Семантика русских «позиционных» предикатов: *стоять, лежать, сидеть и висеть* // Вопр. языкознания. – 1998. – № 6. – С. 69–80.
7. Issues in Russian Morphosyntax // UCLA Slavic Studies / Ed. M.S. Flier, R.D. Brecht. – Columbus, Ohio: Slavica Publ., 1985. – V. 10. – 208 p.
8. The scope of Slavic aspect // UCLA Slavic Studies / Ed. M.S. Flier, A. Timberlake. – Columbus, Ohio: Slavica Publ., 1985. – V. 12. – 295 p.
9. Глагольная префиксация в русском языке / Под ред. М.А. Кронгауза, Д. Пайара. – М.: Рус. слов., 1997. – 220 с.
10. *Косова В.А., Маклеева Е.А.* О функциональном анализе морфем, или сколько в русском языке суффиксов *-уик-* // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 5. – С. 1338–1358.
11. *Мейе А.* Общеславянский язык / Пер. с фр.; Общ. ред. С.Б. Бернштейна. – М.: Прогресс, 2001. – 500 с.
12. *Крушевский Н.В.* Очерк науки о языке. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1883. – 150 с.
13. *Табаченко Л.В.* Роль предельности и результативности в развитии внутриглагольной префиксации // Изв. Юж. фед. ун-та. Филол. науки. – 2011. – № 2. – С. 114–120.
14. *Дмитриева О.И.* Динамика процессов внутриглагольной префиксации // Дмитриева О.И., Крючкова О.Ю. Динамика словообразовательных процессов: семантико-когнитивный, жанрово-стилистический, структурный аспекты. – Саратов: Науч. кн., 2010. – С. 5–166.
15. *Лебедева Н.Б.* Полиситуативный анализ глагольной семантики. – М.: URSS, 2010. – 192 с.
16. *Косова В.А.* Словообразовательная категория каузации состояния в русском языке: опыт лингво-когнитивного анализа // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сент. 2015 г.): в 15 т. – СПб.: МАПРЯЛ, 2015. – Т. 4. – С. 87–92.

17. Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика: Докл. VIII Междунар. конф.: в 2 т. – М.: СпортАкадемПресс, 2001. – Т. 1. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/kubryakova-01.htm>, свободный.
18. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – 607 с.
19. Виноградов В.В. История слов. – М.: Изд-во Рос. Акад. наук, 1999. – 1138 с.
20. Топоров В.Н. Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверх-эмпирическом смысле глагола «стоять», преимущественно в специализированных текстах // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т.А. Агапкина. – М.: Идрик, 1996. – С. 7–88.

Поступила в редакцию
16.06.17

Трофимова Анна Валерьевна, аспирант кафедры русского языка и прикладной лингвистики
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: AVTrofimova@kpfu.ru

Косова Вера Алексеевна, доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: vera_kosova@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 5, pp. 1231–1243

Russian Prefixal Posture Verbs as a Means of Spatial Thinking Verbalization

A.V. Trofimova*, V.A. Kosova**

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: *AVTrofimova@kpfu.ru, **vera_kosova@mail.ru

Received June 16, 2017

Abstract

The semantics of Russian posture verbs has been studied. The analysis covers derivative words formed on the basis of the prefixes *v-* (*в-* 'in'), *na-* (*на-* 'on'), *pod-* (*под-* 'under'), *nad-* (*над-* 'above'), *pred-* (*перед-* 'in front of'), *za-* (*за-* 'behind') and verbs of position in space, such as *ležhat'* (*лежать* 'lie'), *sidet'* (*сидеть* 'sit'), *stoyat'* (*стоять* 'stand'), *viset'* (*висеть* 'hang'). Appealing to these lexical items within the frame of compound semantics is determined by the following fact: they are indicative of the features of human spatial perception that developed in high antiquity.

Based on the results of the analysis, five groups of derivative words have been distinguished. The first group includes prefixal verbs which save posture and spatial semantics. But all of them are archaisms now. Posture verbs that denote the end of action belong to the second group. Other derivative words often expand their meaning through neutralization of the seme that implies the posture. Existential verbs with modal component form the third group. Verbs of speech and social activity constitute the fourth group. Finally, posture verbs with complicated additional semes are included the sixth group.

At the same time, the verbal postural semantics and prefixal spatial semantics can be restored even in figurative meanings.

It has been concluded that the prefixes of posture verbs in the modern Russian language lost their spatial meaning, which used to be inherent. This is due to the development of bounded prefixal meaning that failed to comply with the stative semantics of the posture verb.

Keywords: spatial thinking, verbs of position in space, spatial prefixes, compound semantics

References

1. Kubryakova E.S. Language and Knowledge: Towards Learning the Language: Word Classes from the Cognitive Point of View. The Role of Language in Understanding the World. Moscow, Yaz. Slavyan. Kul't., 2004. 560 p. (In Russian)
2. Frege G. *Semiotika i Informatika* [Semiotics and Computer Science]. Mikhailov A.I. (Ed.). Moscow, VINITI, 1977, no. 8, pp. 181–210. (In Russian)
3. Carnap R. Meaning and Necessity: A Study in Semantics and Modal Logic. Bochvara D.A. (Ed.). Moscow, Izd. Inostr. Lit., 1959. 382 p. (In Russian)
4. Langacker R.W. Cognitive Linguistics: Basic Readings. Cognitive Grammar. Introduction to Concept, Image, and Symbol. Geerferts D. (Ed.). Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2006, pp. 29–67.
5. Kubryakova E.S. Aspects of Investigations in Semantics. *Semantika proizvodnogo slova* [Semantics of Derived Words]. Arutyunova N.D., Ufimtseva A.A. (Eds.). Moscow, Nauka, 1980, pp. 81–155. (In Russian)
6. Raskhilina E.V. Semantics of Russian predicates of “position”: *stoyat'*, *lezhat'*, *sidet'*, and *viset'*. *Voprosy Yazykoznaneya*, 1998, no. 6, pp. 69–80. (In Russian)
7. UCLA Slavic Studies. *Issues in Russian Morphosyntax*. Flier M.S., Brecht R.D. (Eds.). Vol. 10. Columbus, Ohio, Slavica Publ., 1985. 208 p.
8. UCLA Slavic Studies. *The Scope of Slavic Aspect*. Flier M.S., Timberlake A. (Eds.). Vol. 12. Columbus, Ohio, Slavica Publ., 1985. 295 p.
9. Verbal Prefixation in the Russian Language. Krongauz M.A., Pajar D. (Eds.). Moscow, Russ. Slov., 1997. 220 p. (In Russian)
10. Kosova V.A. Makleeva E.A. On the functional analysis of morphemes of how many *-ushk* suffixes there are in the Russian language. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 5, pp. 1338–1358. (In Russian)
11. Meillet A. Common Slavic Language. Bernstein C.B. (Ed.). Moscow, Progress, 2001. 500 p. (In Russian)
12. Krushevskii N.V. An Essay on Language. Kazan, Tip. Imp. Univ., 1883. 150 p. (In Russian)
13. Tabachenko L.V. The role of boundedness and effectiveness in the development of intraverbal prefixation. *Izvestiya Yuzhnogo Federal'nogo Universiteta. Filologicheskie Nauki*, 2011, no. 2, pp. 114–120. (In Russian)
14. Dmitrieva O.I., Kryuchkova O.Yu. The Dynamics of Derivational Processes: Semantic-Cognitive, Genre-Stylistic, and Structural Aspects. Dmitrieva O.I. *Dinamika protsessov vnutriglagol'noi prefiksatsii* [The Dynamics of Intraverbal Prefixation Processes]. Saratov, Nauch. Kn., 2010, pp. 5–166. (In Russian)
15. Lebedeva N.B. Polysituational Analysis of Verbal Semantics. Moscow, URSS, 2010. 192 p. (In Russian)
16. Kosova V.A. The derivational category of state causation in the Russian language: Linguo-cognitive analysis. *Russkii yazyk i literatura v prostranstve mirovoi kul'tury: Materialy XIII Kongressa MAPRYaL (g. Granada, Ispaniya, 13-20 sent. 2015 g.)* [Russian Language and Literature in the Global Cultural Space: Proc. XIII Congr. of International Association of Teachers of Russian Language and Literature (Granada, Spain, Sept. 13-20, 2015)]. Vol. 4. St. Petersburg, MAPRYaL, 2015, pp. 87–92. (In Russian)
17. Kubryakova E.S. On the text and criteria defining it. *Tekst. Struktura i Semantika: Dokl. VIII Mezhdunar. konf.* [Text. Structure and Semantics: Proc. VIII Int. Conf.]. Vol. 1. Moscow, SportAkademPress, 2001. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics1/kubryakova-01.htm>. (In Russian)

18. Paducheva E.V. Dynamical Models of Lexical Semantics. Moscow, Yaz. Savyan. Kul't., 2004. 607 p. (In Russian)
19. Vinogradov V.V. History of Words. Moscow, Izd. Akad. Nauk, 1999. 1138 p. (In Russian)
20. Toporov V.N. The Concept of Motion in Language and Culture. *Ob odnom iz paradoksov dvizheniya. Neskol'ko zamechaniy o sverkhempiricheskom smysle glagola "stoyat'", preimushchestvenno v spetsializirovannykh tekstakh* [On one of the Motion Paradoxes. Some Notes on the Superempirical Meaning of the Verb "стоять", Mainly in Specific Texts]. Agarkina T.A. (Ed.). Moscow, Idrif, 1996, pp. 7–88. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Трофимова А.В., Косова В.А. Русские префиксальные глаголы с позиционным значением как средство вербализации пространственного мышления // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 5. – С. 1231–1243. ⟩

⟨ **For citation:** Trofimova A.V., Kosova V.A. Russian prefixal posture verbs as a means of spatial thinking verbalization. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 5, pp. 1231–1243. (In Russian) ⟩